

ВЛАДИМИР БРЮХАНОВ

**МИФЫ
О ВОССТАНИИ
ДЕКАБРИСТОВ**

Правда о 14 декабря 1825 года

Владимир Андреевич Брюханов
Мифы о восстании
декабристов: Правда
о 14 декабря 1825 года
Серия «Правдивая история России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48840734

Мифы о восстании декабристов: Правда о 14 декабря 1825 года /

Владимир Брюханов: Яуза-каталог; Москва; 2020

ISBN 978-5-00155-151-5

Аннотация

Декабристы вот уже второе столетие уверенно восседают на идеологическом пьедестале, возведенном для них революционной и советской пропагандой, а трагедия 14 декабря 1825 года до сих пор остается одной из самых загадочных и спорных страниц отечественной истории, вызывая массу вопросов у любого непредвзятого историка. Почему идеологии заговора накануне решающих событий находились вдали от столицы и не готовились к выступлению, а уничтожали компрометирующие рукописи? Почему главные вожаки восстания вообще не явились на Сенатскую площадь? Если декабристы были теми рыцарями без страха и упрека,

какими принято их изображать, – почему столь многие из них сломались на следствии, отреклись и покаялись? Действовали они по собственному почину или были лишь пешками в чужой игре? Наконец, могли ли они победить? И чем обернулась бы для России их победа? Свободой и процветанием? Или национальной катастрофой?

Содержание

Предисловие автора	6
Введение	12
1	58
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Владимир Брюханов

Мифы о восстании декабристов: Правда о 14 декабря 1825 года

Светлой памяти Евгении Цинковой

*И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

*Где стоят по квадрату
В ожиданьи полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки?!*

*Александр Галич
Петербургский романс
22 августа 1968 года*

Предисловие автора

Мифы и легенды – неотъемлемая составляющая духовного мира человечества. С тех пор, как наши предки перестали поклоняться таинственным теням в глуши дремучих лесов, молниям в небесах и отражениям на глади вод, а затем и начертаниям мамонтов и саблезубых львов на стенах пещер, созданных собственными руками, человечество изменилось не очень сильно.

Кем бы мы были, если бы в детстве настойчиво не требовали повторения так необходимых нам историй про Злого Волка, не сумевшего, однако, съесть до конца ни Красную Шапочку, ни Трех Поросят, ни Семерых Козлят? Разве можно стать полноценным человеком, если не верить в счастье Золушки, обретшей своего Принца?

Многие из нас и в зрелом возрасте нуждаются для комфортного самоощущения в аналогичных сказках и легендах, только соответствующих нашим повзрослевшим вкусам. А вот это уже явление не столь позитивное. Оно создает поле деятельности для умелых мифотворцев, сочиняющих красивую рекламу для совсем не невинных и небезопасных реалий, вроде коммунизма или Тысячелетнего Рейха, одно только упоминание которых в непосредственном соседстве может не на шутку оскорбить очень многих.

Таких мифов, значительных и не очень, огромное мно-

жество – во всех странах, у всех народов и во все времена. Некоторые легенды сочиняются безо всякой связи с фактической первоосновой, а другие лишь слегка приукрашивают вполне реальные явления. Сочинение их и настойчивое применение подчинено обычно вполне конкретной целевой установке.

Понятно, например, что Александр Матросов не мог заткнуть амбразуру своим телом – это технически невозможно, а Зоя Космодемьянская поджигала неизвестно что и зачем. Сами они не имели никакого отношения к сочинению мифов, созданных после их смерти, но трагически погибли на войне, как и миллионы других – поди знай, кто из погибших был большим или меньшим героем! Но и эти мифы были вредны сами по себе, поскольку позволяли неумелым начальникам приукрашивать собственные достижения, а еще живых комсомольцев и комсомолок посылать, прибегая к легендарным примерам, на такое, куда и врага не отправишь!

Мифы и легенды живут потом собственной судьбой, имеющей порой очень эфемерное отношение к реальной первооснове. Вот, например, легендарный комдив В. И. Чапаев. При жизни он вовсе не был знаменит, а смерть его была отнюдь не геройской: не озаботился выставить посты охранения, был захвачен сонным в плен и немедленно расстрелян¹. Но когда его бывший комиссар приступил к писательскому творчеству, то решил подать Чапаева как типовой персонаж

¹ Об этом, например, в заметке в «Известиях» № 30 от 6 февраля 1926 года.

Гражданской войны, характерный природной одаренностью, невежеством, апломбом и крутым нравом. Потом был поставлен талантливейший игровой фильм, совсем уже не имеющий отношения к первоисточнику. А затем пришел и социальный заказ: уничтожаемых истинных героев Гражданской войны (как бы к ним теперь ни относиться!) понадобилось заменить на бестелесные мифы, уже не рискующие оказаться позднее «врагами народа» – и Чапаеву учинили уже грандиозную пропагандистскую славу! Позднее получился некий *перебор*, и общественное сознание не выдержало его. К мифу стали относиться иронически, но от этого он еще только прибавил силы: стал Чапаев постоянным героем неиссякающей серии остроумных анекдотов, довершивших его легендарную славу! Получился уже неистребимый супермиф!

Попытки разоблачить супермифы редко приводят к успехам. Сошлемся на зарубежный опыт: ныне инициаторов мятежа, случившегося среди североамериканских подданных английского короля, почитают в США как великих героев и основателей нации. В реальности же на первых порах они совершенно не ощущали морального превосходства и очень нуждались в стороннем внимании и сочувствии. Требовались им и военные профессионалы для воспитания и подготовки их никем не обученных волонтеров, привычных лишь к истреблению индейцев. Это четко понял некий прусский армейский капитан, за что-то изгнанный со службы и бедствовавший в Париже. Он сшил себе генеральский мундир,

явился к представителям американской стороны во Франции и объявил, что послан прусским королем Фридрихом Великим для поддержки американцев. Его приняли с распростертыми объятиями и отправили через океан. Поддержка и сочувствие прусского короля сыграла немалую роль для самоощущения мятежников, а прусский капитан действительно обучил их и военному строю, и простейшей тактике.

Ныне историки выяснили все о жизни и деятельности этого авантюриста, но он по-прежнему принадлежит к избранным национальным героям, и ежегодно по сей день в Соединенных Штатах проводятся марши и демонстрации в честь генерала Стейбена (Штойбена). Миф оказался важнее реальности.

Легенда о декабристах занимает особое положение среди российской системы мифов. Очень уж по сердцу людям пришили эти самоотверженные молодые аристократы, рискнувшие жизнью, карьерой, имуществом и свободой в борьбе за счастье народа – и трагически проигравшие. Причем ум и образованность казалось бы трезвомыслящих людей пасуют перед этим мифом: самые завзятые критиканы чуть ни всех сторон российской жизни и истории делают для декабристов исключение – светлый образ таких героев ничем не омрачен!

Начало легенде положили юный Герцен (которого по выражению Ленина «разбудили декабристы») и его друг Огарев, поклявшись на Воробьевых горах хранить вечную верность великому князю Константину Павловичу, жестоко по-

страдавшему, как они слышали, 14 декабря 1825 года. Когда они выросли и выяснили, что все было совсем не так, то их клятва и те самоощущения, которая она давала, оказались выше грубой прозы жизни – и стимулировали их создавать совершенно иную легенду, которая бы соответствовала высоте их душевного порыва. Этот энтузиазм подхватили затем сотни авторов, опубликовавших позднее многие сотни книг и тысячи статей, довершивших создание *жизни* этих святых нашего времени, и многие миллионы читателей, счастливо приобщившихся к этой почти религии.

Легенда о декабристах, история ее возникновения и развития – гораздо масштабнее и интереснее тех событий, в которых участвовали подлинные декабристы. Эта легенда – самостоятельный объект для исследования, природа которого как следует не осознана и совершенно не изучена. Такое исследование – настолько грандиозная тема, от которой в смущении отступает автор этих строк, призывая других, более квалифицированных специалистов заняться изучением этого невероятного феномена.

Мы берем на себя лишь скромный труд дать обзор основного каркаса событий, происходивших в реальности, и подвергнуть некоторой критике и пересмотру трактовки хорошо известных фактов.

Это не первая публикация автора на данную тему, но она дополнена некоторыми результатами поисков, проведенных в самое последнее время.

Книга посвящена памяти друга – женщины, без помощи которой было бы невозможно осуществить первую самостоятельную публикацию на эту тему.

Все события в книге датированы по старому стилю, принятому в России до февраля 1918; события международной жизни датированы двойным образом.

Введение

Россия до начала XIX столетия

Триста лет назад Петр I *прорубил окно в Европу* и покончил с многовековой самоизоляцией России от Запада.

Что бы ни утверждали впоследствии сторонники *особого пути* России, но эта самоизоляция имела крайне пагубные последствия – по крайней мере для материальных основ российской цивилизации. Достаточно указать хотя бы на то, что первая домна в Европе была построена около 1443 года, а в России – не ранее 1636-го. Чистых *двести лет* отставания!

Кому это шло на пользу – прекрасно понимали тогдашние соседи и соперники России. Еще во времена Ливонской войны (1558–1583) Польский король пытался отговорить Елизавету Английскую от торговли с Московией: *«Вашему величеству небезызвестны силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, что будет ему неизвестно?»*

Швеция и Речь Посполитая упорно блокировали связи России с Европой. На юге и вовсе перекрывала пути враждебная Турция, пытаясь в отношении Руси играть роль правопреемницы монгольских завоевателей. Торговля же через

Архангельск, отрезанный почти бездорожными пространствами от российской метрополии, не могла иметь заметного практического значения. Да англичане и сами не стремились одаривать Россию западными техническими идеями.

У Петра I и его современников уже не было возможности сохранять невозмутимое самодовольство, основанное на уверенности в абсолютном превосходстве русского православия над любыми иными верами и идеями. *Практика как критерий истины* опровергла это сомнительное преимущество: хронические военные поражения от шведов стали совершенно безнадежными, и без овладения современной военной техникой, тактикой и системой материального обеспечения армии и флота, который тоже предстояло создавать *с нуля*, о победах не приходилось и мечтать! *Третий Рим* безнадежно шел ко дну – и в этом, увы, не было ни малейших сомнений!

Все реформы в России за последние триста лет происходили по абсолютно сходному сценарию: **сначала – военное поражение**, демонстрирующее глубину военно-технической отсталости России, **затем – реформа**, призванная ликвидировать эту отсталость.

Вот это-то и оказалось основным содержанием исторического процесса в России на протяжении трех столетий.

Реформы Петра, вполне заслуженно прозванного Великим, отличались глубиной и коварством замыслов, неуклонной волей и жестокой решимостью при исполнении. Нача-

лись они с неслыханных по масштабам акций промышленного шпионажа.

Самолично обшарив Западную Европу, организовав там эффективнейшую деятельность собственных эмиссаров и резидентов, завербовав множество перебежчиков и агентов влияния и используя взаимные противоречия западноевропейских правительств, Петр проник во все секреты западной технологии и обзавелся кадрами, способными внедрять их в России.

В конце жизни Петр I считал этот успех невероятной удачей и отказывался понимать вопиющую глупость европейцев, явно не оценивших, какого врага они взрастили на собственную голову. Притом Петр вовсе не считал необходимым полностью приобщаться к общеевропейской цивилизации: *«Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»* — с гордостью цитирует его В. О. Ключевский!

Действительно, знакомство с такими достижениями западной цивилизации, как парламенты и коммерческие банки, не произвело на Петра ни малейшего впечатления.

Вот с той эпохи и пошел отсчет истории нашего своеобразного государства, ядовито окрещенного Маргарет Тэтчер *Верхней Вольтой с ракетами!*

Все разумное действительно, все действительное разумно — в этой мудрости Гегеля нет никакого смысла, если ее применять к *статичным* ситуациям, возникавшим в исто-

рическом прошлом: все практически имевшие место ситуации были действительны, но не признавать же их все разумными?! Иное дело – *динамика* исторического процесса: все неразумные ситуации в скорейшем времени утрачивали свою жизнеспособность и вынужденно сменялись совершенно иными.

Так получилось и с достижениями Петра I, которые, казалось бы, не вызывают никаких сомнений. Ведь действительно был пробит выход к Балтийскому морю, который до сих пор умудрилась сохранить Россия, и воздвигнут Санкт-Петербург, по сей день остающийся одним из красивейших городов мира. Эти достойные памятники Петру и позволили успешно скрывать до нашего времени, что **вся деятельность Петра завершилась грандиозным и чудовищным крахом.**

А все дело оказалось в цене, которую Петр заставил собственный народ оплатить эти баснословные успехи.

А. С. Пушкин писал про Петра I: *«все состояния, скованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».*

«Не все ль неволею сделано?» — горделиво вопрошал сам Петр в одном из позднейших декретов. Действительно, все было сделано неволей – и притом самой страшной. Одной единственной дубинки, которой царь самолично лупил встречных и поперечных, было, конечно, недостаточно.

При Петре каждый государственный служащий был бук-

важно работам вышестоящего начальника, а представители низших слоев населения, вроде бы не имевшие никакого отношения к государственному аппарату, были в полной личной зависимости от любого представителя власти. Насильственной мобилизацией была собрана не только беспрецедентно огромная армия (ее численное превосходство стало решающим фактором в Полтавской битве), но и фабричный контингент уральских заводов и других многочисленных предприятий новейшей промышленности. Мало того, даже руководство этих фабрик было невольниками государства в гораздо большей степени, чем через два века их преемники – «красные директора».

Авангардом петровских преобразований стало дворянство, только в небольшой степени состоявшее из старой знати. Тогдашний служилый класс был плоть от плоти детищем прежнего режима: сами с рождения привычные к зуботычинам и унижениям, дворяне оставались корыстолюбивыми, беззастенчивыми и жестокими служаками, готовыми унижать и попирать налогоплательщиков, а ради сиюминутных благ лихо рисковать и собственными, и, главным образом, чужими жизнями.

Петровское дворянство было рекрутировано из всех сословий российского народа, и к концу царствования Петра представляло собой весьма внушительную силу – более 1,5 % всей численности российского населения. Весь же государственный аппарат в совокупности (дворяне, духовен-

ство, чиновники и солдаты) представлял собой вообще невообразимую силу. Его доля (все, кроме солдат, в купе с семьями) достигала 10 % всей численности населения страны!

Всю мощь этого аппарата Петр подчинил задаче создания новейшей промышленности, судостроения и содержания гигантской армии, также подвергшейся коренной модернизации. Затем дополнительно была поставлена задача строительства новой столицы и прочих укреплений на завоеванной территории.

Прямые военные расходы в 1701 году достигли почти 80 % тогдашнего государственного бюджета, и никогда позже не поднимались до такой рекордной отметки.

Добившись впечатляющих военных успехов, Петр столкнулся с совершенно неразрешимой проблемой: государству было не по карману содержать столь громадную армию. В европейских державах XVIII века предельной нормой для армии был 1 % от общей численности населения, а в Петровской России получилось более чем втрое больше. Демобилизовать же эту армию оказалось невозможно.

В Западной Европе тогда были общеприняты наемные войска. На время войны государи, запасаясь соответствующими денежными средствами, нанимали такую армию, какую им и позволяли эти средства. На постоянной службе находились только высококвалифицированные профессионалы, составлявшие костяк армии военного времени. Но даже и среди последних многие владетельные господа в мирные дни

удалялись в собственные замки, освобождая казну от необходимости их содержать. В военное время было принято вербовать солдатские массы и путем упомянутого наема, и обещанием военной добычи, и патриотической пропагандой, и попросту насильственно. В последнем случае используемое *пушечное мясо* было, конечно, наименее надежным. Удобство, однако, состояло в том, что при прекращении войны основная часть войска возвращалась к своему постоянному бытию, от которого отвлекалась только на время. В России все это оказалось невозможным.

Петр I мобилизовал все ресурсы, установив беспрецедентную систему принуждения. Основой его налоговой системы стала подушная подать, ради упорядочения которой Петр распорядился в 1718 году провести ревизию численности податного населения, что сопровождалось небывалыми мерами по закабалению самых разнообразных групп обывателей. В частности, множество деревенских жителей, не исключая и сельских священников, приписали к ближайшим поместьям (в отношении священнослужителей это было позже исправлено), принудив их содержать дворянина, также пребывавшего на службе, в порядке общеобязательной государственной повинности.

Нужно обладать невероятным цинизмом или глупостью, чтобы утверждать, что крестьяне могли придти в восторг от подобных перемен. Пополнять же ряды крепостных демобилизованными квалифицированными солдатами, прошедши-

ми через кровавые битвы, было просто невозможно: они бы в пух разнесли всю эту систему насилия – особенно, если бы их лишили привычной системы армейского довольствия.

К каким ужасающе разрушительным последствиям может приводить неуправляемая демобилизация огромной армии – это **России предстояло испытать осенью 1917 года**. Но и много раньше это было очевидно всякому здравомыслящему человеку.

Армию, таким образом, необходимо было сохранять. Но государственных средств катастрофически не хватало. Это привело к следующему экстравагантному решению: в конце царствования Петра страна была поделена на территории, отданные в распоряжение отдельным воинским частям. Последние должны были взять на себя сбор налогов, а также самоснабжение, не зависящее от центрального государственного аппарата, **на основе принципов действия оккупационной армии, захватившей чужую враждебную страну**.

Любой русский солдат мог сапогом распахнуть дверь любого российского жилища и безропотно получить пищу, ночлег и женщину. Отпор мог дать лишь начальник более высокого ранга, оказавшийся внутри – и тут уж горе самоуправщику! Впрочем, по внешнему виду российских жилищ было трудно впасть в ошибку.

«Полковые команды, руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям

года, и каждая экспедиция длилась два месяца: шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержащихся при этом на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций. Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоеванной России татарские баскаки времен Батыя. <...>² Едва полки стали размещаться по вечным квартирам, начала обнаруживаться огромная убыль в ревизских душах от усиления смертности и побегов: в Казанской губернии вскоре после смерти Петра один пехотный полк не досчитался более половины назначенных на его содержание ревизских плательщиков <...>. Создать победоносную армию и под конец превратить ее в 126 разнузданных полицейских команд, разбросанных по 10 губерниям среди запуганного населения, – во всем этом не узнаешь преобразователя!» – этот крик души авторитетнейшего историка России второй половины XIX и начала XX века В. О. Ключевского мы приводим не только ради его содержания, но и для того, чтобы чуть ниже сопоставить с его же результирующим мнением о заслугах великого преобразователя.

Петровский режим привел Россию к полному разорению.

Этот факт тщательно замалчивался всей послепетровской официальной пропагандой – очень красочное проявление российской специфики!

У Петра I не было ни Освенцима и Треблинка, ни Лубян-

² Так мы обозначаем собственные купуры в цитируемых текстах.

ки и ГУЛАГа, но он прекрасно обходился и без таких эффективных учреждений: численность российского населения сократилась за годы его правления почти на четверть! Нечто подобное периодически случалось в России и в более древние времена, но после Петра такими достижениями не мог похвастать ни один из кровавых властителей!

Массаги гибли мобилизованные на строительство новой столицы в болотистой дельте Невы, истреблялись солдаты в непрерывных войнах, умирало население от голода и эпидемий во всех концах разоренной России. Мирные труженики, отданные во власть ничем не стесняемой оккупации и грабежа, не могли и не хотели восполнять своим трудом возникший дефицит всех материальных ресурсов.

К 1725 году государство полностью обанкротилось: **недоимки податей** за 1724 год достигли одного миллиона рублей (при девяти миллионах расходной части бюджета), а за две трети 1725 года (т. е. сразу вслед за смертью Петра) **дошли до двух третей исчисленного оклада!**

Поразительно, но до 1917 года никаких упоминаний об этих фактах невозможно было отыскать ни в каких исторических трудах, не говоря уже об учебниках – совершенно аналогично тому, как нельзя было нигде узнать при коммунистическом режиме, что, например, план Первой пятилетки по основным показателям **не был выполнен даже в половинном объеме** – да и сейчас почти никто об этом не знает! До сих пор почти все россияне искренне уверены, что

и Петровские реформы, и Сталинские пятилетки имели полный успех!

Что до *пятилеток*, то рассказ о них никак не соответствует теме нашей книги, но с Петром I – другое дело. Просто необходимо привести декларацию только что процитированного Ключевского: *«Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя. Его преимущество перед ними в том, что он был не должником, а кредитором будущего»* — при всем уважении к маститому историку это трудно назвать иначе, чем наглой ложью!

И как это сочетается с его же собственной оценкой заключительных преобразований Петра, которые мы привели несколькими абзацами выше и которые отделены от последней цитаты только сотней страниц³ его собственных лекций? Пока писал эту сотню страниц, стал другим человеком? Или это сам Петр I стал другим человеком, пока Ключевский набрасывал эту сотню страниц? И притом какая удивительная глупость и грубость формулировок: попробуйте-ка представить себе любое государство, которое не прибавляет ничего к прежним запасам – что же это должны быть за запасы, превышающие многолетние государственные расходы?

Ответ на эти мнимо недоуменные вопросы совершенно

³ Разумеется – в современном полиграфическом воспроизведении.

ясен: пока Ключевский ведет себя как историк – наблюдатель и исследователь, то не может сдержать собственной вполне понятной человеческой реакции: как же можно не возмущаться столь дикими деяниями Петра? Но как только Ключевский вспоминает, что пишет не о ком-нибудь, а о величайшем национальном герое, профессору действительно приходится становиться другим человеком – гражданином и патриотом, который никак не может позволить себе непочтительности по отношению к национальной святыне!

И все это без комментариев перепечатывается в наши дни! А ведь даже советским историкам, которым было запрещено исследовать мифы *коммунистического строительства*, все же позволялось развенчивать пропагандистские легенды царских времен – хотя бы в специальных исследованиях, просто по характеру изданий не предназначенных для широкой публики, и историки пользовались такой свободой и выяснили немало горьких истин, относящихся к ушедшим столетиям.

Но мифы о Петре I по-прежнему остаются непоколебленными! И в недавние времена его голову приделывают к туловищу Колумба и устанавливают на берегу Москвы-реки!

Непрочность экономического положения сказывалась еще при жизни Петра I.

Самой армии, лишенной нормального снабжения, оставался только грабеж населения; поначалу его старались вести на чужой территории, которая, однако, в результате за-

хвата становилась затем собственной, а потом, как рассказано, понадобилось и вовсе узаконить разверстку контрибуций и конфискаций по всему пространству державы, доступному для войск.

Но войска, как следует из этого, и во время войн могли действовать только в хорошо населенной местности. Поэтому попытки перейти через малолюдные степи, лежащие южнее России (вот так непреодолимое препятствие!), кончались полным провалом, и пробить выход к незамерзающему Черному морю не удавалось вплоть до последней четверти XVIII века.

Петровская индустриализация, построенная на варварском принуждении работников всех уровней, захлебнулась – люди не выдерживали ее темпов. Потребительский рынок, способный инициировать производство промышленных товаров, был парализован – нищета населения снизила покупательные способности до минимума. На долгие годы установился промышленный *застой*.

Несколько по-иному сложилась судьба отечественной черной металлургии. Как и коммунисты через два века, Петр направил на эту отрасль особый нажим – и добился впечатляющих успехов. В 1725 году домна, запущенная на Нижнетагильском заводе Н. Демидова, была крупнейшей в мире! А еще через десяток лет Россия по объемам выплавки чугуна уже вышла на первое место в мире и удерживала его вплоть до начала XIX века – недостижимая мечта товарища Стали-

на!

Беда в том, что в условиях общего застоя в самой России не было потребности в таком количестве металла. Доменному производству угрожала подлинная гибель, но выручила международная торговля. Дешевый чугун, выплавленный мужиками, прикрепленными к уральским казенным заводам, экспортировался в Англию, где использовался в как раз происходившей промышленной революции.

Умер ли пятидесятитрехлетний Петр 28 января 1725 года естественной смертью или стал жертвой злодеяния – в любом варианте деятельность этого прославленного «реформатора» завершилась для России отнюдь не преждевременно.

После Петра все пошло на российском престоле *вкривь и вкось*: «От Петра I престол перешел к его вдове императрице Екатерине I, от нее ко внуку преобразователя Петру II, от него к племяннице Петра I, дочери царя Ивана Анне, герцогине курляндской, от нее к ребенку Ивану Антоновичу, сыну ее племянницы Анны Леопольдовны брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, родной сестры Анны Ивановны, от низложенного ребенка Ивана к дочери Петра I Елизавете, от нее к ее племяннику, сыну другой дочери Петра I, герцогини голицинской Анны, к Петру III, которого низложила его жена Екатерина II. Никогда в нашей стране, да, кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии. <...> Виною того был сам преобразователь: своим зако-

ном 5 февраля 1722 г. <...> он отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде, и завещание, и соборное избрание, заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя. <...> По привычному и естественному порядку наследования престол после Петра переходил к его сыну от первого брака цесаревичу Алексею, грозившему разрушить дело отца. Спасая свое дело, отец во имя его пожертвовал и сыном, и естественным порядком престолонаследия», – писал Ключевский.

Выше мы имели возможность выяснить, что же действительно ценное и полезное для России было сооружено Петром. Нуждалось ли начатое им дело в продолжателе, какового так ведь и не получило, и стоило ли поэтому Петру I столь уж стараться на эту тему? Ведь Петр I не только лишил своего сына престолонаследия, но и умертвил его. Похоже, что проклятье за это легло на всех его преемников.

Петру I только и оставалось, что объявить о своем произвольном праве (естественно, в последующем – и праве его преемников) самостоятельно назначать своего наследника.

Так и осталось неведомым, назначил ли кого-нибудь в наследники сам Петр и кого именно: *все концы ушли в воду*. Воцарение его вдовы (некогда солдатской потаскушки шведских кровей) произошло не в соответствии с его письменной или хотя бы устной волей (возможно, сокрытой в момент его смерти), а благодаря интриге заинтересованной группы высших царедворцев. Так же, фактически, происходило и в

дальнейшем – вплоть до конца XVIII века, хотя все эти интриганы, имея и собственное внутреннее тяготение к монархическому принципу, и стараясь соблюсти определенное ре-
номе перед российской и зарубежной публикой, ограничили свой выбор кругом все-таки близких царских родственников.

Вопреки заверениям Ключевского, непосредственные преемники Петра столкнулись с ужасающими проблемами.

Нищета государства и его подданных была поразительной. Государственные чиновники годами не получали жалования (знакомая картина!), а его размеры заведомо не могли покрывать потребностей основной массы служащих, даже если бы его регулярно выплачивали! Каждый воровал где и как мог (хотя пойманного ждали ужасные кары!), закладывая традиции государственного управления, действующие по сей день, но это не могло разрешить все проблемы страны.

Разумеется, дефицитные материальные ресурсы порождали и жесточайшую борьбу за их обладание. И, конечно, это принимало формы заговоров и политических интриг, проигравшие в которых кончали свои жизни под пытками и на плахе, в лучшем случае – в ссылке куда-нибудь в Соловки или на Приполярный Урал.

Лишь позже, когда материальное благосостояние привилегированных слоев заметно окрепло, смягчилась и политическая практика: Елизавета Петровна, взойдя в 1741 году на

трон в результате заговора, расправилась со своими соперниками, но затем дошла даже до официальной отмены смертной казни.

Правление Екатерины II началось в 1762 году с убийства ее мужа – Петра III. Через два года жестокая расправа обрушилась на инициаторов освобождения из Шлиссельбургской крепости бывшего императора Ивана Антоновича – предшественника Елизаветы Петровны, формально царившего в младенческом возрасте, а с тех пор томившегося в неволе; при попытке освобождения он был убит. Но уже та же Екатерина, разоблачив новый заговор, созревший через десяток лет после ее собственного коварного государственного переворота, и вовсе обошлась без расправ.

Какой же выход из экономической пропасти нашли российские власти XVIII века? И на этот вопрос есть очень естественный и вполне современный ответ: конечно, *приватизацию!*

Автору этих строк уже приходилось выслушивать и читать обвинения в неоправданном переносе конструкций и схем современных явлений на события далекого прошлого. Трудно согласиться с такой критикой.

Разумеется, термин *приватизация* в XVIII веке просто отсутствовал, а соответствующий процесс, осуществлявшийся тогда, вовсе не имел никакого официального наименования, поскольку старались скрывать самую суть осуществляемой экономической политики, не пользуясь сочувстви-

ем большинства населения. Но дело не в термине, а в существовании дела!

В XX веке применялись самые различные эвфемизмы применительно к одним и тем же деяниям, происходившим (тогда и в прошлом) при несколько отличных условиях, например – *конфискация, экспроприация, реквизиция, секуляризация, национализация, муниципализация, обобществление, коллективизация, продразверстка, самоснабжение, усиленное налогообложение, подписка на заем* и другие в том же роде, но сущность *грабежа* при этом не менялась!

Почему же перевод собственности от государства в частные руки не именовать вполне однозначным, подходящим для этого термином, хотя и имеющим для наших современников сложившееся негативное звучание?

Частная собственность на землю имелась в России и до XVIII века: это были вотчины, принадлежавшие потомкам старой знати – князей и бояр. На этой земле жили и крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости от помещиков и лишённые права свободного перемещения, – такая форма отношений существовала в те времена и во многих странах Европы.

При Петре I подобных настоящих лендлордов было достаточно немного – в 1700 году всего 136 фамилий, состоящих из 330 лиц (Петр любил точность!), но в совокупности они обладали весьма значительной земельной собственностью и правили изрядным числом крепостных.

На этих же территориях уже с середины XVII столетия стала возникать и превращаться в обычай ничем не узаконенная практика продажи крепостных как обыкновенных предметов собственности. Самого Петра I это немало возмущало: при всех его недостатках он не мог не сознавать анахронизма и аморальности такого явления, но позволил себе в 1721 году только *«добродушный совет в руководство Сенату»*, как сформулировал тот же Ключевский: *«оную продажу людям пресечь, а ежели невозможно будет того во-все пресечь, то хотя по нужде продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь»* — тут меткая дубина Петра оказалась не способной на большее, чем явная осечка. Еще бы: подобные пожелания никак не соответствовали его генеральной стратегии – всеобщему укреплению власти сверху до низу.

Петр постарался сформировать постоянную связь между дворянами, составлявшими верхние слои служащих его государственной системы, и крестьянами, которых он рассматривал как служащих нижнего уровня. В том же 1700 году таких новоявленных помещиков было только 2849 фамилий из 14711 лиц – это было самым началом создания *нового класса* (почти по М. Джиласу, не подозревавшему, что описывает явление, хорошо известное в истории!), и в дальнейшем их число стремительно возрастало.

В 1722 году Петр I ввел Табель о рангах, придав строгий иерархический порядок всем чинам – военным, штатским

и придворным; всякий служащий, достигший определенного уровня, автоматически становился дворянином. Эта мера узаконила присвоение дворянского звания всему верхнему слою соратников Петра. К концу его царствования подавляющее большинство из них получило в свое распоряжение населенные поместья.

Учитывая значительную численность дворянства, а также и то, что из остального населения только менее половины было при Петре обращено в крепостных (крепостного права, например, вовсе не было ни на севере Европейской России, ни за Уралом, да и в центральной России далеко не все селяне обращались в крепостных), нужно отметить, что с самого начала наделение дворян населенными землями происходило неупорядоченно и неравномерно.

При Петре I все это сочеталось с упомянутой прямой военной оккупацией. На практике крестьян грабил каждый, кто мог, и так сильно, как только мог. Этим, в сущности, и объясняется главная тяжесть наследства, оставленного Петром.

Радикальными реформами, последовательно осуществленными во второй и третьей четвертях XVIII века, крестьян, приписанных к определенным дворянам, передали последним в полную собственность: вот это была приватизация – так приватизация! При этом не было издано никакого указа, позволявшего помещикам торговать своими крепостными как частной собственностью, но такая торговля на

практике полностью вошла в быт – о, эти замечательные особенности российского «права»!

К этому времени прежняя численность дворян и членов их семейств, прикрепленных к поместьям, от 15 тысяч в 1700 году выросла до 64,5 тысяч в 1737. **Теперь их всех сделали не временными помещиками, а постоянными!**

Это нововведение произошло при Анне Иоанновне и было закреплено и углублено ее преемниками.

Решающую роль сыграло законодательное уничтожение разницы между вотчинами и поместьями в 1731 году.

В 1735 году помещичья власть усилилась разделением функций: крестьян обязали платить государственные налоги, основу которых составляла подушная подать, а помещиков, формально свободных от налогов, – эти подати собирать. С точки зрения государства, таким образом, крестьяне являли собой налогоплательщиков, а помещики – сборщиков налога. Спустя несколько десятилетий, как мы увидим, это осталось единственной обязательной функцией последних.

Но где, в какие времена, в какие эпохи позднее Древнего Египта или Вавилона, налогоплательщиков раздавали в личную собственность сборщикам налогов?

В 1736 году помещики получили право самостоятельно определять наказание беглым крепостным. В 1758 году вышел указ, обязывающий помещика наблюдать за поведением

своих крепостных, а в 1760 году помещики получили право бессудной ссылки крепостных в сибирскую каторгу.

В то же самое время на помещиков в обязательном порядке наложили и заботы о поддержании жизненного уровня крестьян, в частности в 1734 году был издан закон, обязывающий помещиков кормить крепостных при неурожаях.

Общегосударственные проблемы были разделены на множество частных, которые были переложены на плечи дворян. Каждый из последних должен был разбираться с собственными заботами сообразно своим вкусам и сообразительности.

Привлечение такой частной инициативы поначалу полностью себя оправдало: с 1701 по 1801 год государственный бюджет вырос в 25 раз. Возросла эффективность не только сельского хозяйства, основой которого стало помещичье имение, но и промышленности: *застой*, воцарившийся в последние годы жизни Петра I, сменился неуклонным ростом.

Наполнение казны позволило перевооружить армию и организовать для нее нормальную систему снабжения, а военные расходы, относительно снизившись (с указанных 80 % бюджета до 45–50 % во второй половине XVIII века), возросли настолько, что позволяли уже содержать постоянную армию и в мирное время. Русская армия обрела мощь и превратилась в один из решающих военных факторов на континенте. Встал на ноги (если можно так выразиться) и российский флот.

Екатерина II, правившая в 1762–1796 годы, была главой государства, после полувекового перерыва снова способного возродить эффективную завоевательную политику и одновременно воздвигать новые города, строить фабрики и дороги.

Несмотря на все трудности и шероховатости, насаждение помещиков на крестьянские деревни неуклонно продолжалось в течение всего XVIII века – и радикально меняло бытовые и экономические условия существования российских селений.

Помещики, оказавшись собственниками подчиненных им крестьян, имели совершенно иные мотивы поведения, нежели пришлые грабители – им вовсе не интересно было производить ограбление своих подданных *подчистую*, лишая селян самого необходимого и доводя их до грани, а тем более – за грань голодной гибели. Поэтому внедрение *рабства* в России, стыдливо именуемого *крепостным правом*, вовсе не так негативно воспринималось населением, как этого следовало бы ожидать, исходя из нравственной сути происходящего. Лишаясь *свободы* и прочих гражданских прав, крепостной приобретал при этом защиту от грабежа и определенную возможность и гарантию для поддержания жизненного уровня.

Интересы новоявленных рабовладельцев и новоявленных рабов оказались достаточно согласованными – при всей парадоксальности этого явления. «Классовые противоречия»,

не исчезающие в русских селениях, оказывались тогда все не столь «антагонистическими»: и у помещиков, и у крестьян были абсолютно сходные стремления – поначалу просто выжить, скорейшим образом позабыв все тягости и бедствия Петровского царствования, а уже затем зажить по возможности лучше. И в целом в срединные десятилетия XVIII века это заметно удавалось и тем, и другим.

Помещик той поры действительно становился опекуном и покровителем собственных крестьян. Много позже, однако, когда грабительские замашки Петровского государства и его сатрапов отошли в далекое прошлое, а управление крестьянами, оставшимися вне помещичьей собственности, оказалось в руках таких людей, как, например, любимый министр Николая I граф П. Д. Киселев, подобные представления о роли помещиков стали явным анахронизмом.

Тем не менее образ помещика – доброго отца и благодетеля – усиленно культивировался дворянской пропагандой вплоть до последних времен крепостничества. Вот, например, типичные рассуждения об этом двоюродного брата и близкого друга Н. Г. Чернышевского – А. Н. Пыпина: *«Старшее поколение, мирное и доброжелательное, не видело в крепостном праве никакой несправедливости по существу: крестьяне не могли обойтись без опеки, – и действительно в тогдашних условиях помещик закрывал крестьян от другого постороннего произвола; в трудную пору, когда случался неурожай, помещик обязан был заботиться о том, чтобы*

помочь, сколько можно, крестьянской беде, – так это у нас и бывало».

Постепенно и помещики освобождались от обременительных обязанностей государственной повинности: в 1736 году один член каждого семейства получил право открепиться от службы – чтобы иметь возможность лично управлять помещьем, а срок службы всем остальным ограничивался двадцатью пятью годами. Со стороны государства это было вынужденными мерами, направленными на повышение эффективности налогообложения: помещиков все более прочно привязывали к имениям, дабы они более заинтересованно вникали в конкретику сельского быта, обеспечивая поступление налогов.

Без таких дополнительных мер успехи послепетровских преобразований имели достаточно относительное и преходящее значение. Так, уже к 1738 году на крепостных крестьянах числилась недоимка сборов по подушной подати почти в 2 млн рублей, из них около 1,2 млн – на крепостных незнатных помещиков, ставших таковыми совсем недавно – при Петре I и позднее.

Спросите любого современного россиянина (президента России – в первую очередь!): что является главным средством улучшения положения России? С незначительными исключениями почти все однозначно ответят: конечно, наведение порядка. Так же, разумеется, рассуждали в России и два с половиной века назад – с соответствующими резуль-

татами и последствиями, что тоже разумеется.

Вот и новоявленных петровских дворян напрямую принуждали заняться наведением порядка в их собственных имениях!

18 февраля 1762 года Петр III полностью освободил дворян от обязательной государственной службы – благодарные подданные тут же свернули ему шею!..

Если до 1762 года труд крестьян на помещиков объяснялся как бы государственной повинностью тех и других, то позже эта новая традиция лишилась правовых основ.

Налоги платили и крестьяне, свободные от помещиков (их именовали государственными крестьянами), и городские низы – размер подушной подати был универсальным, но все они оставались свободны от необходимости полностью содержать сборщика налогов и его семью, причем по нормам, никогда и никем не регулируемым (к вопросу об ограничении дней работы на «барщине» мы еще вернемся).

Легко представить себе, какое впечатление произвел на современников Манифест от 18 февраля 1762 года.

Ключевский на этот раз вполне справедливо заметил: *«По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права»* – и ядовито заключил: *«она и последовала на другой день, только спустя 99 лет»!*

Тягчайшая эксплуатация, переходящая в разбой, которой

в течение предшествующих веков подвергалось российское население, не позволяла мужикам буквально поднять головы (а также другие части тела). Поэтому в течение двух с половиной столетий, с начала XVI по середину XVIII века, общая численность российского населения постоянно колебалась в пределах 6,5-20,0 млн человек, неизменно снижаясь в периоды внешних и внутренних кризисов.

Последнее убывание приходится на царствование Петра I. Позже подобное явление вовсе не наблюдалось (даже и в советские времена, если верить замечательной отечественной статистике): все потери, даже самые ужасающие, в кратчайшие отрезки времени компенсировались высокой рождаемостью.

Стабилизация социально-экономического порядка в XVIII веке привела, однако, и к заметной стабилизации демографического роста. Дополнительную роль сыграли и иные факторы, прежде всего – включение картофеля в рацион питания россиян, что первоначально было встречено достаточно консервативным сельским населением крайне враждебно. Но для нас тогдашние бытовые подробности не столь важны (в отличие от социально-экономических) – все-таки стиль жизни изменился с тех пор до неузнаваемости.

Фактом остается то, что в середине XVIII века численность российского населения впервые перевалила за 20 млн и продолжала стремительно возрастать.

Вот как выглядит эта динамика:

1724 год – 13,0 млн

1744 -18,2

1762 – 23,2

1795 – 37,2

1811- 41,7

1815 – 43,1

1857 – 59,2.

Как видим, даже тягчайшие военные испытания 1812–1814 годов существенно не притормозили столь впечатляющую тенденцию. Правда, в последней трети XVIII века начала стремительно возрастать и территория, захваченная Россией у соседей.

Численность населения, поэтому, увеличивалась и за счет насильственного присоединения новых подданных. Именно тогда захват восточнопольских территорий, в значительной степени населенных евреями, породил и еврейский вопрос в России.

Но подобный прирост играл все же не решающую роль: и в пределах старой территории, какой Россия неизменно располагала в 1725–1762 годах, численность населения выросла к 1815 году до 30,5 миллионов – в два с половиной раза менее чем за век, а к 1857 году – до 48,7 млн, т. е. почти в четыре раза менее чем за полтора века.

В центральном же земледельческом районе плотность населения возросла еще выше – с 5,9 жителей на один квадратный километр в 1719 году до 29,1 в 1858 году, т. е. в пять

раз за полтора века!

Вот этот-то фактор и остался неучтенным инициаторами введения крепостничества в России!

Крестьяне, прикрепленные к поместью, оказались для дворян совсем не такой выгодной собственностью, как могло показаться и как действительно казалось другим сословиям, домогавшимся в начале царствования Екатерины II права владеть крепостными.

Тогда подобное мнение было практически всеобщим, тем более, что подушная подать, суммарно механически возрастающая с ростом численности населения, стала основным средством наполнения казны – это напрямую соответствовало, как казалось, и общегосударственным интересам: *«Умножение земледельцев не только для помещиков, но и для всего государства важнейшим пунктом почитается, а к сему ничто больше не может способствовать, как благовременная женитьба молодых людей, умеренный их деревенский труд и не оскудное содержание»*, – писал в 1770 году П. И. Рычков – известнейший тогда идеолог помещичьей «агрономии».

Увы, помещику было хорошо лишь тогда, когда крепостных было много, а земли в их распоряжении – еще больше. По новым законам, преследующим поддержание социальной стабильности и сохранение государства от нежелательных потрясений, крепостные *садились помещику на шею* — их нужно было кормить, а откуда брать средства, если земли было нехватка?..

Владелец мог сам организовать расселение крестьян на новые земли, предварительно обзаведясь последними (путем приобретения или получив в дар от казны), но для переселения требовались опять же самостоятельные средства, имеющиеся далеко не у всех.

Можно было продавать людей без земли на вывоз – передавать в руки помещиков, по-пионерски осваивающих незаселенные территории на юге, отвоеванные у соседей, но власти не очень поощряли подобную торговлю. Да дело было не только во властях: в принципе легко было бы торговать «мертвыми душами», как пытался делать *Чичиков*, но крайне опасно отрывать живых людей от дома, от близких родственников, от родных могил и вообще от родины! Закон – законом, но, при отсутствии у мужика добровольного согласия, помещик вполне мог получить топором по голове, и некоторые действительно получали.

Поэтому на Дон, в Сибирь и на другие окраины продолжали стремиться относительно свободные государственные крестьяне, если имели силы и средства, а также традиционные беглецы от помещиков. В Сибирь же ссылались и преступники; законопослушные же крепостные оказались неподходящим контингентом для переселений.

Ситуация в поместьях при неограниченном размножении как крестьян, остающихся на той же земле, так и помещиков, деливших земли между собой при каждом вступлении в наследование, становилась год от году все хуже и хуже: бес-

крайней Руси предстояло задыхаться от тесноты, чего никак нельзя было предполагать, глядя на ее географическую карту!

Попытка еще Петра I ввести в 1714 году единонаследие в России (одна из его немногих идей, в принципе ориентированных на позитивные перспективы), полностью игнорировалась его подданными: они не могли смириться с такой несправедливостью, и в 1736 году этот закон был официально отменен. Между тем, только его соблюдение, притом в жесткой форме – как в Англии! – могло бы уберечь Россию от очевиднейших последствий демографического бума. Как раз к концу XVIII столетия прозвучали грозные предупреждения Т. Мальтуса, но и тогда, и много позднее идеи этого «реакционера» так и не нашли путей в Россию.

И дворяне, и крестьяне (и крепостные, и государственные) упорно продолжали делить все имущество, в том числе и земли, между всеми наследниками. В результате при Александре I возникли уже целые селения, населенные неимуществами дворянами!

В целом же должно было становиться ясным – чем долее, тем более! – что российское сельское хозяйство всерьез и практически навсегда (если иметь в виду всю последующую историю царской России и первых десятилетий Советской власти) вступило в эпоху тягчайшего аграрного перенаселения!

И выявилось это впервые уже в шестидесятые годы XVIII

века – сразу вслед за воцарением Екатерины II, первой из российских монархов (да и вообще из российских мыслителей – это подчеркивает ее фантастическое образовательное и умственное превосходство над всеми ее современниками!) обратившей внимание на данную проблему.

По ее инициативе были организованы анкетные обследования состояния сельского хозяйства во всех местностях России. Они принесли сенсационнейшие результаты.

Вот, например, что сообщалось из Переславльского уезда Рязанской губернии: *«Здеишие места многолюдны, и по многолюдству уповательно: что большие земледельцев в работу годных, нежели земли удобной к деланию»*. О том же и столь же категорически писалось тогда из Рузы, Вереи, Коломны, Владимира, Гороховца, Юрьева-Подольского, Суздаля, Шуи, Костромы, Любима, Кинешмы, Ростова-Ярославского и Романова-на-Волге.

В середине 1770-х годов князь М. М. Щербатов писал: *«По причине великого числа народа, населяющего сию губернию⁴, многие деревни так безземельны остаются, что ни с каким прилежанием не могут себе на пропитание хлеба достать и для того принуждены другими работами оный ссыскивать»* — последнее тогда выглядело и почиталось просто неприличным!

⁴ «Московскую петровского деления, – которая включала в себя будущие екатерининские губернии: калужскую, тульскую, владимирскую, ярославскую и костромскую, кроме московской – т. е. охватывала собою почти всю Центральную Россию» – примечание М. Н. Покровского.

Поразительно, но эта ситуация, абсолютно выясненная еще в первое десятилетие правления Екатерины II, оставалась затем много позднее – вплоть до начала XX века и даже во время практического осуществления коллективизации в первой половине 1930-х годов – абсолютно неизвестной и непонятной почти для всех российских мыслителей!

Екатерина не ограничилась агитацией в печати. Она собрала для обсуждения этой проблемы нечто вроде парламента; депутатов туда выбирали все сословия, кроме крепостных. Официально он назывался «Комиссией об Уложении» и формально был призван реформировать устаревшие законы еще Соборного Уложения 1649 года – также продукта деятельности депутатского собрания, не созываемого с тех пор более века (очень любопытная циклика!).

Екатерининский парламент с большой помпой открылся 30 июля 1767 года зачитанием «Наказа» Екатерины, в котором (помимо всяческих соображений на разнообразные темы) достаточно ясно призывалось к отмене крепостного права. Реакция депутатов обескуражила царицу: из четырех сотен депутатов на ее призыв положительно откликнулось лишь двое-трое.

Почти все депутаты, кроме дворян, и так имеющих это право, потребовали и себе возможность владеть крепостными.

Екатерине оставалось только свернуть деятельность этого парламента – под предлогом войны с Турцией.

Что же касается российских крестьян, то они восстали – почти сразу, как только поняли смысл происшедших перемен: мелкие вспышки возмущений возникали по всей России с самого 1762 года. Осознанная несправедливость стала и мотивом, и движущей силой Пугачевщины, разразившейся в 1773–1775 годы.

Пугачевщину, как и всякое массовое крестьянское движение, удалось подавить. В тогдашней гражданской войне правительство победило. Но и впредь готовность мужиков силой постоять за себя и своих близких стала естественным ограничением произволу, официально установленному в России, – ниже мы к этому вернемся.

Поражение освободило Е. И. Пугачева от необходимости выполнять свою удивительную социальную программу: он обещал отменить налоги и в то же время взять чиновников на полное государственное обеспечение. Впрочем, возможно, попытки ее воплощения и, как следствие, полный развал экономики в тылу восставших ускорили гибель Пугачева. Последнего подстерегла иная судьба, нежели позже большевиков, хотя и он, и большинство вождей Октября 1917 года в конечном итоге завершили жизненный путь одним и тем же – стали жертвами пыток и казней! Случайно ли это?

Отметим также, что в разных исходах двух гражданских войн сыграл важнейшую роль чисто географический фактор: большевики, развалив российскую экономику не менее решительно, чем Пугачев, сохранили, однако, контроль над

наиболее развитым центром России. Пугачев же действовал на практически тех же самых окраинах, которые в 1918 году достались белым, где создать эффективный тыл действующей армии было, естественно, значительно труднее.

Дворяне были главными действующими лицами одной из сторон в обеих гражданских войнах, но в XVIII и XX веках им достались противоположные половины все той же шахматной доски!..

Пугачевщина сплотила дворян вокруг верховной власти, к которой до этого, ввиду либеральных поползновений Екатерины, не было должного доверия.

Прямо накануне Пугачевщины был предан одним из участников, П. В. Бакуниным, заговор, в котором состояли виднейшие вельможи братья графья Н.И. и П. И. Панины, фельдмаршал князь Н. В. Репнин и даже знаменитая президент Российской Академии княгиня Е. Р. Дашкова. Душой заговора был Д. И. Фонвизин – известнейший идеолог и писатель, дядя одного из будущих руководителей декабристов. Состоял в заговоре, как и положено было, наследник престола – великий князь Павел Петрович.

Учитывая напряженнейшую политическую ситуацию, Екатерина простила заговорщиков, тут же включившихся в борьбу против восставшего крестьянства. Разумеется, это нужно поставить Екатерине в заслугу: понятно, как на ее месте действовали бы Иван Грозный, Петр Великий или Сталин – именно с учетом напряженной политической обста-

новки. Не простила Екатерина только своей невестке – первой жене Павла Наталии Алексеевне (ох уж эти женские страсти!): по слухам, последнюю отравили или каким-то другим способом лишили жизни.

Впоследствии поневоле созданный союз был закреплён реформами 1775 и 1785 годов, разделившими власть в уездах и губерниях между назначаемыми правительством главами администрации и выборными представителями дворян.

Екатерина впредь на крепостное право не замахивалась и даже шла крепостникам навстречу, распространив его в 1783 году и на Украину – вот когда, наверное, украинские мужики пожалели, что вовремя не поддержали Пугачева!..

Верховная же власть целиком оставалась в царских руках, что совсем нетрудно понять после неудачного эксперимента 1767 года.

Бедный и богатый крестьянин – такие же традиционные персонажи русских народных сказок, как царь, поп и купец. Общинное землепользование препятствовало неравенству в земледелии лишь отчасти, тем более не ограничивая его прогресс в иных сферах деревенской самодеятельности.

При Екатерине II дворянские идеологи уже вполне четко указывали на рост влияния *кулачества* в российских деревнях:

«Такие сельские жители называются съедалами; имея

зреший⁵ прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им займы деньги, а потому запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ими богатый»;

«Зажиточные как собственных, так и соседних деревень крестьяне всегда имеют случай недостатками бедных пользоваться. <...> Богатый, ссужая бедного своим скотом, получал чрез то работных людей больше, чем на своем поле употреблять мог, и для того у бедного своего соседа нанимал пустую его землю за безделицу».

Уже в XVIII веке русские теоретики начали понимать, что социальные процессы нельзя пускать на самотек: анархия частного производства, которое велось миллионами русских крестьян, не могла не порождать соответствующих последствий.

Богатые продолжали богатеть, а бедные – беднеть, как и должно было происходить при всякой свободной конкуренции. Неудивительно, что ответственно мыслящие русские феодалы возмущались такой несправедливостью (*справедливость* — вообще в крови у русских!) и стремились к поддержанию социального равенства.

В 1767 году один из дворянских идеологов, князь М. М. Голицын, предписывал управляющему своей вотчиной отнимать у богатых крестьян принадлежащие им земли

⁵ При общинном переделе земли.

и наделять ими бедных, *«дабы со временем таковые немощи могли быть подлинныи и совсем довольныи крестьяне, а не гуляки»* — налицо явная попытка применения руководящего принципа социализма: не давать работать тем, кто делает это хорошо, и обеспечивать рабочими условиями тех, кто работать все равно не будет — с соответствующими практическими результатами.

То, что в данном конкретном случае глашатаем социализма выступает не государство, а крупный землевладелец и рабовладелец, принципиальным не является: разница лишь в масштабах (как между большим социалистическим государством и маленьким), а чистота принципа вполне соблюдена.

Позднейший миф (разделявшийся В. И. Лениным) о том, что в старой России господствовало (или хотя бы было сильно распространено) патриархальное натуральное хозяйство, не имел реальных основ в российской действительности.

Вся российская экономика была рыночной, поскольку еще с XVI века — с 1551 года! — официально все государственные подати в России собирались исключительно в денежной форме. Следовательно, каждый налогоплательщик, дабы уплатить налог, обязан был что-то продать. Другое дело, что у многих сельских налогоплательщиков оставалось не так уж и много денег для самих себя, а потому и помещик, и крестьянин нередко вынужденно ограничивали собственное потребление продукцией собственного хозяйства. Иные крестьяне могли всю жизнь не держать денег в руках:

налоги за них уплачивали другие – помещик, собственные односельчане, различные посредники (в том числе евреи); крестьянину же оставалось расплачиваться натурой или отработкой.

Зато все, кто реально имели дело с рынком, четко просекали его противоречивые парадоксы и несправедливость: дополнительное вложение труда и капитала совершенно не гарантировало извлечения большей выгоды.

Еще в 1769 году А. П. Сумароков – известный литератор и основатель русского театра – в журнале «И то и сье» призывал соблюдать принцип неизменных цен на внутреннем рынке.

Позднее, уже в первой половине XIX века такие взгляды стали господствующими.

Иным деревенским богатеям удавалось выбиться даже в миллионеры. Однако избавиться от помещика-кровососа нередко бывало сложнее, чем совершить предпринимательское чудо. Грамотные и хладнокровные феодалы стремились создавать целые системы для эксплуатации капиталистов, возникавших среди их бесправных рабов.

Самым классическим примером такой системы было село (ставшее затем городом) Иваново-Вознесенское, принадлежавшее Шереметевым; все производство и вся торговля в этом крупнейшем центре осуществлялись графскими крепостными, среди которых было и немало богатеев.

Это был как бы целый капиталистический город, на-

ходившийся в рабстве у феодала-оккупанта, причем одни рабы были рабами немногих других! Один из последних, Е. И. Грачев, владел в конце XVIII века целым имением в 3000 десятин⁶ земли, со 181 мужской и 200 женских душ крепостных; сам он, будучи владельцем мануфактуры, оставался при этом крепостным Шереметевых.

Об иных, не рисковавших публично демонстрировать свое богатство, упоминала и Екатерина в «Наказе»: *«Они за-капывают в землю свои деньги, боясь пустить оные в обращение, боятся богатыми казаться, чтобы богатство не навлекло на них гонений и притеснений».*

И это легко понять: положение тогдашних крепостных миллионеров иногда бывало просто плачевным. Вот как об этом пишет, например, один из них – предприниматель уже 1820-х годов Николай Шипов: *«мы с отцом платили помещику оброка свыше 5000 руб[лей]⁷ ассигнациями⁸ в год, а один крестьянин уплачивал до 10 000 руб.*

Казалось бы, при таких раскладах состоятельным крестьянам следовало бы откупиться от помещика на волю. Действительно, некоторые и пытались это сделать, но без всякого успеха. Один крестьянин нашей слободы, очень

⁶ Десятина – чуть больше гектара.

⁷ В такие скобки, если иное специально не оговорено, мы заключаем собственные вставки в цитируемые тексты.

⁸ Бумажные деньги имели тогда плавающий курс – порядка в два раза ниже рубля серебром.

богатый, у которого было семь сыновей, предлагал помещику 160 000 руб., чтобы он отпустил его с семейством на волю. Помещик не согласился. Когда через год у меня родилась дочь, то отец мой вздумал выкупить ее за 10 000 руб. Помещик отказал. Какая же могла быть этому причина?

Рассказывали так: один из крестьян нашего господина, некто Прохоров⁹ имел в деревне небольшой дом и на незначительную сумму торговал в Москве красным товаром. Торговля его была незавидная. Он ходил в овчином тулупе и вообще казался человеком небогатым. В 1815 г. Прохоров предложил своему господину отпустить его на волю за небольшую сумму, с тем, что эти деньги будут вносить за него, будто бы, московские купцы. Барин изъявил на то согласие. После того Прохоров купил в Москве большой каменный дом, отделал его и тут же построил обширную фабрику. Раз как-то этот Прохоров встретился в Москве с своим бывшим господином и пригласил его к себе в гости. Барин пришел и не мало дивился, смотря на прекрасный дом и фабрику Прохорова; очень сожалел, что отпустил от себя такого человека и дал себе слово впредь никого из своих крестьян не отпускать на свободу. Так и делал», – вот она, Россия!..

Чтобы эта цитата стала понятней, укажем, что в те времена жалование провинциального мелкого чиновника (неред-

⁹ В. И. Прохоров (1755–1815) – основатель знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Его история, изложенная Шиповым, не совсем точна.

ко – дворянина) обычно составляло от 4 до 10 рублей в месяц, и на эти деньги при собственном домике и огородке можно было содержать семью (с учащимися детьми) отнюдь не впроголодь.

Что же касается обычных оброчных крестьян, то подсчитано, что их средний заработок на протяжении всей первой половины XIX века составлял 20–30 рублей в год с выплатой 20–40 % из них помещику в качестве оброка – и при сельскохозяйственной работе на своем участке, и при заработках на отхожих промыслах – в промышленности, торговле и в сельском хозяйстве.

В отличие от не названного по имени владельца Прохорова и Шилова, некоторые другие не были столь корыстолюбивы и завистливы.

Например, как-то к П. Б. Огареву, отцу великого революционера Н. П. Огарева, явились крепостные принадлежавшего ему села Беломута с предложением отпустить их на волю за баснословную сумму. Один из них давал только за собственный выкуп 100 000 рублей **серебром**. Но барин брезгливо отказался от денег и предпочел оставить крестьян себе, гордясь тем, что среди его подданных есть и миллионеры. Вот это – подлинное дворянское благородство!

Некоторым миллионерам повезло – тому же В. И. Прохорову или С. В. Морозову; последний, начав карьеру рядовым ткачем, основал свою фабрику еще в 1797 году, а в 1820 году уговорил своего владельца отпустить его на волю «всего» за

17 тысяч рублей.

До 1861 года и Шереметевы постепенно выпустили на волю более пятидесяти капиталистов, получив за каждого по 20 тысяч рублей выкупа в среднем – итого более миллиона. Но иным предпринимателям пришлось ждать свободы вплоть до 1861 года.

Один из таковых, хлебный торговец П. А. Мартьянов, накануне 1861 года был полностью разорен своим владельцем – графом А. Д. Гурьевым. Отказавшись от мысли восстановить свое дело, Мартьянов уехал в 1861 году в Лондон и примкнул к Герцену и Огареву. Мартьянов написал и напечатал в «Колоколе» «Письмо к Александру II» – монархический по чувству и идеологии, но антидворянский призыв к созыву «Земской думы», а затем издал брошюру на ту же тему.

Разочаровавшись и в лондонских революционерах, Мартьянов уехал назад в Россию, наивно полагая, что его выступления в пользу *«земского, народного царя»* не могут вызвать преследований. Дальнейшие события разворачивались стремительно: 12 апреля 1863 года его схватили на российской границе, 15 апреля заключили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, 5 мая Сенат присудил его на 5 лет каторжных работ и вечное поселение в Сибирь, 7 декабря его отправили по этапу. Мартьянов умер в 1865 году в Иркутске.

А. И. Герцен писал о нем в 1868 году: *«Он пытался бежать; его засекли до смерти»*.

Нет ничего удивительного в том, что такие, как Прохоров, скрывали собственное богатство. Подпольные миллионеры советской эпохи, терзаемые КГБ, милицией и рэкетирами, едва ли имели основания позавидовать жизни своих братьев крепостнических времен.

Разумеется, судьбы миллионов обычных крепостных – отнюдь не миллионеров! – были ничуть не лучше, но именно трагедии самого активного и предприимчивого слоя русского народа наиболее ярко характеризуют чудовищность тогдашнего положения народных масс...

Разлад двух цивилизаций – *господской* и *народной* – углублялся и поддерживался в России еще со времен Петра I исключительно ради своекорыстных интересов господ, изо всех сил и до последних возможностей цеплявшихся за сохранение своих привилегий и материального достатка.

Забота о сохранении тотальной неграмотности народных масс была одним из краеугольных камней помещичьей политики.

В начале 1770-х годов, например, широко рекламировались типовые инструкции деревенским управляющим, составленные ведущими идеологами тогдашней эпохи. Один из них, уже цитировавшийся Рычков, недвусмысленно формулировал: *«весьма надобно и должно, чтоб управители и приказчики в каждом селе и во всей деревне, по самой меньшей мере одного человека знающего читать и писать содержали, и, выбирая от лучших мужиков робят мужеска полу*

от 6 до 8 лет, велели б учить грамоте и нужнейшим по христианской должности молитвам, а кои окажутся из них понятнее и надежнее, тех обучать и письму; однако столько, чтоб в деревне, сто душ¹⁰ имеющей, писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было; ибо примечается, что из таких людей научившиеся писать знание свое не редко во зло употребляют, сочинением фальшивых паашпортов и тому подобного».

Россия оставалась страной всеобщей неграмотности. Даже через сто лет, в 1867–1868 годах, среди призванных в армию рекрутов (молодые, здоровые мужчины!) умеющие читать и писать составляли жалкое меньшинство.

Только каждый третий, призванный тогда в столичной Петербургской губернии, был грамотен, менее 20 % таковых оказалось в Московской губернии, а менее 5 % — в порядке убывания в губерниях Тамбовской, Уфимской, Витебской, Харьковской, Казанской, Пензенской и Полтавской, в последней – только 2,8 %!

В то же самое время комплекс неполноценности, неизбежно порожденный знакомством российской верхушки с заведомо более высокой европейской культурой, постепенно изживался. Наиболее культурные слои, постоянно пополняемые импортируемыми с Запада зарубежными специалистами-

¹⁰ Душа – взрослый крестьянин мужского пола; сто душ, следовательно, деревенька, насчитывавшая порядка сотни дворов и шестьсот-семьсот или даже более человек населения всех возрастов и обоих полов.

ми, уже к концу XVIII века чувствовали себя при сравнении с европейцами все более и более на равных.

К тому же и Запад в значительной степени терял очарование сказочно высокого превосходства: сперва кровавый ужас Великой Французской революции, затем антигуманизм промышленных преобразований в Англии, а потом и в остальной Западной Европе, также сопровождаемый революционными потрясениями, подрывали основы мечтательных иллюзий прозападно настроенных россиян.

После Пугачевщины в России на многие десятилетия установился политический застой, порожденный страхом рецидива крестьянских волнений.

Екатерина II отказалась от реформ, а дворяне, в свою очередь, вынужденно позабыли о собственных попытках изменить ситуацию в своих вотчинах и долго еще побаивались лишний раз взмахнуть кнутом или розгой – Пугачевщина, таким образом, кое-что изменила, но не все в лучшем направлении.

Вот это-то и оказалось наиболее значительным результатом эпохи, захватившей и два великих царствования – Петра I и Екатерины II, и многочисленные царствования монархов, пришедшихся на промежуточный период.

1

Бабушкины внуки

Екатерина II, царствовавшая более трети века, оказала огромное влияние на всю российскую жизнь не только в период собственного правления, но и приблизительно треть века после того, причем это стало результатом ее совершенно сознательной целенаправленной деятельности. Она абсолютно бесцеремонно вмешивалась в жизнь своего сына, двух его старших сыновей и их жен, которых она сама выбрала для них среди множества германских принцесс. Для последних замужество за наследником российского престола или за его ближайшим родственником было высочайшей честью и желанным пределом личных притязаний.

Обстоятельством, вносящим элемент азартной игры в эту семейную возню, как раз и была неясность того, кто же из потомков великой императрицы окажется ее преемником на престоле. Никто из людей не бессмертен, поэтому рано или поздно Екатерина должна была уступить кому-то свое место. По действовавшему закону Петра I она могла назначить преемником любого.

Очевидно, игра в свое право выбора доставляла ей изрядное удовольствие, принуждая потенциальных наследников прибегать к единственному средству решить свою будущую

судьбу – снискать благоволение матери или бабушки соответственно. Это и давало императрице в руки рычаги, орудия которыми она могла добиться от ближайших потомков практически всего, что ей могло заблагорассудиться. Отношения же между ними, самым естественным образом, обострились до такой степени, что Павел и его сыновья могли быть только злейшими врагами друг другу – это и стало фактором, также безотказно определявшим все их личные отношения, в свою очередь сильнейшим образом влияя на расклад любых политических пасьянсов, раскладываемых на верхах российского государственного управления.

Так продолжалось до самого декабря 1825 года, когда воцарился Николай I, родившийся в год смерти бабушки и не испытывавший, таким образом, ее личного влияния. Однако, поскольку до конца ее собственных дней влияние на него сохраняла его мать – невестка Екатерины и вдова Павла императрица Мария Федоровна (тоже в прошлом германская принцесса), а сами обстоятельства воцарения Николая в значительной степени определились напряженной враждой его старших братьев, то можно считать, что тень Екатерины продолжала царить над Россией до самого 1828 года – года смерти матери Николая.

Мало того, что объектом игр являлся тогда и российский престол, но вакантной оставалась еще и должность византийского императора, кесаря или царя в русском произношении. Российские самодержцы считали себя, как известно,

правопреемниками императоров Византии, павшей за много веков до XVIII столетия, но возрождение Византии возбуждало вопрос о взаимной иерархии двух престолов, тем более что восстановление Византии могло произойти исключительно по воле русских царей.

Во времена Екатерины II это не выглядело утопией, хотя русские только-только укрепились на северных берегах Черного моря, веками до этого остававшегося вотчиной Турции, ее внутренним морем. Но соотношение сил было таково, что завоевание русскими Босфора, Дарданелл и Константинополя представлялось вопросом ближайших лет. В конце царствования Екатерины до этого, казалось, не хватило каких-то незначительных военных усилий. Но позднее все существенно изменилось.

Дело не в том, что Турция стала сильнее – она-то как раз становилась слабее год от году, будучи раздираема освободительной борьбой покоренных ею народов. Но с легкой руки Наполеона, обратившего особое внимание на Константинополь, он попал в зону постоянных забот европейских политиков, осознавших, что захват Россией Проливов грозит ее укреплением в бассейне Средиземного моря – с перспективой дальнейшего прочного выхода в Атлантический и Индийский океаны. Этому постарались не допустить – и не допустили!

Но во времена Екатерины столь неприглядные перспективы еще не просматривались. Поэтому она, жонглируя двумя

коронами (российской и византийской) и тремя претендентами на них – сыном и двумя его сыновьями, могла устроить такой цирк, что у участников и ближайших зрителей только дух захватывало!

Ее напряженные отношения с сыном ни для кого секретом не были, и, возбуждая у сына жуткую вражду и зависть, она подчеркнуто благоволила к старшему внуку – Александру. Вторым же внуком был ею же при рождении назван Константином – с явным намеком на возможное возведение на византийский престол. При этом она озаботилась женитьбой внуков – дабы придать им статус самостоятельных мужчин – глав семейств. Обоим она женила в невероятно юном возрасте, и обоим эти женитьбы впрямь не пошли.

Старшего внука, Александра Павловича, родившегося 12 декабря 1877 года, женили уже в 1792 году на Баденской принцессе Луизе-Марии-Августе, принявшей в православии имя Елизаветы Алексеевны. Мужу не исполнилось пятнадцати лет, а жене было всего тринадцать. Напомним, что аксельратов тогда не было, и они были только детьми – им бы вместе еще в куклы играть. А вместо этого пришлось им быть куклами у его бабушки.

Константин Павлович, родившийся 27 апреля 1779 года, также был женат с 1796 года, когда ему, правда, уже исполнилось семнадцать лет, а невесте – почти пятнадцать. Но «семейная жизнь», точнее – семейная порча отношений началась у них еще раньше, поскольку невеста в числе про-

чих претенденток, в том числе родных сестер, принцесс Саксен-Заальфельд-Кобургских (одна из них стала позднее матерью великой королевы Виктории Английской), была привезена «на смотрины» в Петербург заранее, а будучи выбранной, осталась в российской столице в качестве невесты. очевидцы рассказывали: *«Страсть Константина Павловича ко всему военному отразилась на его отношении к своей невесте Юлии Кобургской. Зимой он являлся к ней завтракать в шесть часов утра, приносил с собой барабан и трубы и заставлял ее играть на клавесине военные марши, сопровождая ее принесенными с собою шумными инструментами. <...> это было единственным выражением его любви к ней. Смесь ласки и неудержимого стремления причинить физические страдания проявлялась у Константина Павловича в отношениях к невесте.*

Юная принцесса подвергалась одновременно и его грубостям, и его нежностям, которые одинаково были оскорбительны. Он ломал ей иногда руки, кусал ее, но это было только предисловием к тому, что ожидало ее после замужества», – остается ли удивляться непрочности этого брака и его будущему распаду?

Некую дозу садизма (весьма индивидуальную) каждый человек получает от рождения. Но позднее то или иное воспитание усиливает или ослабляет ее. Константин по всеобщему мнению был изрядным подонком во всех отношениях, и это в значительной степени усиливалось бабушкиным влия-

нием, хотя иногда Екатерина, спохватившись, выражала опасения по поводу необузданного нрава второго внука. Тем не менее она, похоже, сознательно культивировала в нем ярко выраженные подлейшие черты.

Так Константин, почти что в одиночестве (в сопровождении всего одного офицера), имел привычку шататься по столице и примечать всяческие непорядки. Потом этот юный *Гарун-аль-Рашид* докладывал все замеченное внимательно выслушивавшей его бабушке, отдававшей этому занятию по часу ежедневно. Иногда она его поправляла и поучала, если находила, что он понимал увиденное не совсем так, как надо. После смерти бабушки он перестал быть *стукачем* — некому стало докладывать, но не перестал быть соглядатаем, хотя и тотальные *гарун-аль-рашидские* привычки также были оставлены.

Старший, Александр, был умнее следующего за ним брата (да и всех остальных!), не был и примитивным подонком и садистом, но вся его последующая жизнь наглядно демонстрирует, что подлейшие человеческие качества не были для него секретом, а свои собственные страсти он умело контролировал собственным умом и маскировал безукоризненным воспитанием. Считают, что по уму и двуличию он был подлинным наследником своей бабки!

В семейной же жизни повезти ему могло лишь чудом — слишком уж он с женой были детьми. Позднее у них родились две дочери (в 1799 и 1806 годах), но обе умерли во мла-

денчестве – это тоже не могло способствовать устойчивой взаимной привязанности, да и сопровождалось это не лучшими обстоятельствами, о которых чуть ниже.

Пока же, с самого начала, это была как бы невинная парочка двух *барашков*, гулявших по зелени придворного луга. Но по лугу этому бродили и *серые волки*, защите от которых молодому барашку предстояло учиться и учиться.

Рассказывают, например, что Павел Петрович испытывал к своей юной невестке Елизавете отнюдь не отцовские чувства – такая это уж была семейка! Легко себе представить и сыновние чувства Александра в этой ситуации!

К моменту смерти его бабушки, Екатерины II (6 ноября 1796 года), великому князю Александру Павловичу было около 19 лет. 16 сентября 1796 года Екатерина самолично пообещала любимому внуку передать престол непосредственно ему.

Относительно намерений самого Александра позже содалось изрядное число легенд. Так, М. А. Корф специально привел в своей книге о 14 декабря письмо Александра к В. П. Кочубею от 10 мая 1796 года. Корф хотел показать, что нежелание царствовать, действительно недвусмысленно высказанное в этом тексте, было давним стремлением Александра: *«я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом. <...> Мой план состоит в том, чтобы,*

по отречении от этого трудного поприща (я не могу еще положительно назначить срок сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая мое счастье в обществе друзей и в изучении природы». Если эти слова принимать всерьез, то Александр стал и клятвопреступником – по крайней мере перед самим собой.

Но поначалу вроде бы не ему самому принадлежало решение вопроса *быть или не быть*. То ли Екатерина не успела юридически оформить соответствующее распоряжение, то ли достаточно оперативно подсуетились тогдашние сторонники Павла, но императором стал именно он.

Здесь напрашивается и другое объяснение, до какого не дошли историки за два прошедших столетия – не даром известный литератор Н. И. Греч писал об Александре: он *«был задачей для современников: едва ли будет он разгадан и потомством»*. Но загадочность личности Александра в значительной степени определялась хотя и нестандартными, но вполне известными обстоятельствами его жизни.

Вполне вероятно, что **восшествие Павла на трон решилось именно самим Александром**. Не случайно сначала он письменно поблагодарил бабушку за оказанную честь, а чуть позже, еще до ее смерти, стал именовать отца *вашим величеством*. Ведь расчистить *авгиевы конюшни*, основательно загаженные за последнее десятилетие правления Екатерины, было невозможно, не вызвав при этом массы недоволь-

ства самых разнообразных влиятельных лиц и слоев общества. Важнейшие должности занимали уже состарившиеся или еще молодые фавориты любвеобильной императрицы, одинаково неспособные оживить государственную службу. Всех их нужно было беспощадно разогнать. Справился бы с этой задачей Александр лучше своего отца?

А ведь при этом отцу предстояло бы возглавить оппозицию и продолжать играть выигрышную роль безответственного критика – которую теперь унаследовал сам Александр. Убрать же отца так, как это удалось в 1801 году, в 1796 году было еще невозможно – не было ни повода, ни должного числа решительных недовольных.

Любопытно, что примерно то же произошло и при воцарении отца Павла – Петра III. По слухам, достоверность которых трудно проверить, в свое время и Елизавета Петровна попыталась обойти племянника, передав престол тогда еще совсем малолетнему его сыну Павлу – естественно, при чьей-нибудь опеке: скорее всего Екатерины – матери Павла и жены Петра, но, вероятно, не совсем единоличной. Но и тогда трон достался более естественному наследнику, который своей энергией и решительностью тут же возбудил против себя россиян, убаяванных бездеятельностью предшествующего царствования.

Буквально через несколько месяцев Екатерина получила безоговорочную поддержку, хотя фактически продолжила политический курс своего убитого мужа. Этот пример дол-

жен был стоять в 1796 году перед глазами молодого Александра.

Можно ли его заподозрить в подобном цинизме и вероломстве? А почему бы и нет? Ведь этому другу Аракчеева приписывают и такое высказывание, возможно не известное Гречу: «*Я не верю никому. Я верю лишь в то, что все люди – мерзавцы.*»

Так или иначе, но Павел, движимый стремлением к справедливости и порядку, почел одной из первейших забот изменение закона о престолонаследии: отныне трон наследовался в первую очередь ближайшим потомком царя по мужской линии – при соответствующих ограничениях относительно его вероисповедания (допускалось только православие); позже появились и некоторые другие – к этому мы будем неоднократно возвращаться.

Лишь ненадолго Павел I встряхнул Русь, начав недвусмысленное наступление против анахронизма дворянских прав – и кое-чего добился: новорожденных дворян, например, перестали записывать на службу, тогда как раньше каждый пятнадцати- или шестнадцатилетний *недоросль* мог получить, впервые заявившись в полк, сразу чин капитана или майора – с учетом выслуги лет!

Занялся он и улучшением положения крестьян.

Указ об ограничении барщины тремя днями в неделю произвел сильное впечатление, хотя соблюдался затем весьма относительно. Занялся Павел и проблемой землеустрой-

ства крестьян.

Нормой XVIII века, при трехпольной системе пахотного земледелия – прогрессивной в то время, проверенной и в России, и за границей, для индивидуального крестьянского хозяйства устанавливалось 18 десятин пашни: три поля по шесть десятин. Всего же крестьянскому хозяйству (с учетом усадьбы, подсобных помещений и возможности выпаса скота) нужно было больше земли – приблизительно 35 десятин.

Павел I задумал грандиозную аграрную реформу: он решил обеспечить всех государственных крестьян скромной нормой – пятнадцатью десятинами пашни на каждое хозяйство. Подготовительные работы привели к полному конфузу: выяснилось, что даже 8-десятинной нормой обеспечить их невозможно – так изменилось соотношение между численностью крестьян и площадью государственных земель (помимо частновладельческих!), доступных для использования в земледелии.

Результаты приобрели чисто академическое значение: реформаторская деятельность Павла была вскоре жестоко пресечена: дворяне быстро и весьма исчерпывающим образом укротили дальнейшие устремления несостоявшегося великого реформатора, изгавив даже память о нем множеством низкопробных анекдотов!

Оставшись после 1796 года только наследником престола, Александр стал искать уважительный повод пересмотреть собственное решение отречься от власти.

В его письме к его воспитателю – швейцарцу Ф. С. де Лагарпу, написанном 27 сентября 1797 года, звучат совершенно иные ноты: *«Мне думалось, что если когда нибудь придет и мой черед царствовать, то, вместо того, чтобы покинуть родину, я сделаю несравненно лучше, поработав над дарованием ей свободы... Мне кажется, что это было бы лучшим видом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей... Когда придет мой черед, нужно будет стараться создать, само собою разумеется постепенно, народное представительство, которое, направляемое к тому, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы».*

Известно, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями!

Адом для Александра стало отцеубийство.

Тот же Греч писал: *«смерть Павла отравила всю жизнь Александра: тень отца, в смерти которого он не был виноват, преследовала его повсюду. Малейший намек на нее выводил его из себя»* — и привел характерный пример: *«Когда после сражения при Кульме [в августе 1813 года] приведен был к Александру взятый в плен французский генерал Вандам, обагривший руки свои кровию невинных жертв Наполеонова деспотизма, император сказал ему об этом несколько жестоких слов. Вандам отвечал ему дерзко: „Но я не уби-*

вал своего отца!" Можно вообразить себе терзание Александра».

Мало того: за такой же «намеком Наполеон заплатился ему троном и жизнью», – утверждает Греч.

Но и Греч, и другие, заявлявшие о невинности Александра в отцеубийстве (включая цитируемого ниже Н. П. Огарева), заблуждаются: о конкретной вине Александра есть масса сведений.

Еще весной 1800 года (т. е. за год до царевубийства) один из главных заговорщиков – граф Н. П. Панин – достаточно прозрачно намекнул цесаревичу на предстоящие события.

Авторитетнейший биограф Александра I, великий князь Николай Михайлович, упоминает о множестве подобных свидетельств – в том числе и о том, что Александр самостоятельно отсрочил дату переворота на сутки, дабы стоявших во дворце на карауле преображенцев, преданных государю, по графику дежурств сменили семеновцы, шефом полка которых был сам Александр.

Молва об отцеубийстве еще долго гуляла по свету. Например, декабрист М. И. Муравьев-Апостол (старший брат казненного С. И. Муравьева-Апостола) вспоминал:

«В 1801 г. [А.В.] Аргамаков был <...> плац-майором Михайловского замка. <...> Без содействия Аргамакова заговорщикам невозможно было бы проникнуть в ночное время в Михайловский дворец.

В 1820 году Аргамаков в Москве, в Английском клубе, рас-

сказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказывался от предложения вступить в заговор против Павла I, но великий князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его за это и просил не за себя, а за Россию вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться».

Хорошенькие разговорчики публично велись о правящем императоре!..

Столь дорогой ценой Александр достиг власти и лишил себя возможности поселиться на берегу Рейна (очень рекомендуем современным кандидатам в диктаторы не повторять эту ошибку – на Рейне прекрасные места!). Позднее ему суждено было переживать угрозу потери власти – и он не смог достойно справиться и с этим испытанием!..

Письмо к Лагарпу позволяет признать Александра и как первого в России идеолога *революции сверху*, хотя предшественницей можно посчитать его бабушку – напомним о событиях 1767 года. Им обоим, однако, никакую революцию свершить не удалось, по крайней мере – в России.

На утро после убийства отца Александр столкнулся с неожиданной проблемой: только что овдовевшая его мать недвусмысленно выразила намерение царствовать: лавры свекрови, оказывается, тоже не давали ей покою! Все заговорщики были поражены.

Каким-то образом Александру пришлось объяснять мате-

ри, что он не настолько уважал отца, чтобы оставить его в живых, но настолько его уважает, что никак не согласен игнорировать закон, изданный отцом, о первопреемственности престолонаследия! Более этот вопрос не возникал.

Констатин, как свидетельствуют, был искренне шокирован происшедшим – и это одно из немногих чувств, проявленных им, которое заслуживает безусловного уважения.

В течение нескольких лет главные инициаторы и участники царевубийства, начиная с графа П. А. Палена, были удалены Александром I с ответственных постов.

Среди немногих исключений – граф Ф. П. Уваров и полководец и супермен Л. Л. Беннигсен. Тронуть последнего было смерти подобно, на чем погорел и Павел; но в 1818 году (обратите внимание на дату!) Александр буквально выжил из России и Беннигсена. Уваров же, по мнению современников, удержался благодаря тому, что усиленно демонстрировал собственную никчемность и ограниченность (неясно, насколько это соответствовало действительности!) и не претендовал на важные роли.

Уцелел вблизи царя и его собственный адъютант князь П. М. Волконский – в его верности и преданности Александр, казалось бы, не сомневался – хотя к этой коллизии нам предстоит возвращаться.

Уцелел в строю и Яков Васильевич Виллие (или Виллье) – отнюдь не второстепенный персонаж российской истории. Он родился в Шотландии в 1765 году, баронет, приехал в

Россию в 1790 году и дожил до 1854 года. В 1801 году он был хирургом Семеновского полка, состоял в заговоре и вошел в спальню Павла I вслед за убийцами. Он засвидетельствовал смерть Павла и накладывал грим на его лицо, скрывая нанесенные увечья.

Виллие затем вышел в высокие чины: действительный тайный советник, лейб-медик Александра I, с 1806 года – главный медицинский инспектор русской армии, президент Петербургской медико-хирургической академии в 1808–1838 годах.

В то же время никто из цареубийц не подвергся формальным преследованиям – вопреки советам Лагарпа, вскоре после воцарения Александра возвращенного последним в Россию. По-видимому, неутомный швейцарец не сумел осознать степень вины своего воспитанника.

Завершающая часть сюжета цареубийства 11 марта 1801 года весьма поучительна, хотя и не оригинальна: нередко новые правители, обязанные своим возвышением энергичным и смелым заговорщикам, опасаясь последних и в то же время стараясь возложить на них ответственность за совершенные преступления, избавлялись от них – иногда с беспощадной жестокостью. Александр I в этом отношении оказался на определенной высоте: никто из убийц его отца не подвергся кровавой расправе и даже тюремному заключению. В то же время политические надежды, которые связывали заговорщики с переменой царствования (в их среде имело хождение

по меньшей мере три конституционных проекта), оказались тщетны.

Будущие заговорщики – младшие современники царевубийц 1801 года – должны были сделать определенные выводы о благодарности самодержца, возводимого на трон.

В первые годы правления Александр оперся на совершенно иных людей – графа Н. П. Румянцева и друзей своей юности: П. А. Строганова, В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, А. Ю. Чарторыйского, И. В. Васильчикова, А. Н. Голицына. Выдвигался на главную роль М. М. Сперанский, блиставший еще при Павле.

В 1803 году царь санкционировал старт реформам Сперанского; последнего Наполеон в 1808 году оценил как *единственную светлую голову в России*.

В 1803 году началось и повторное возвышение А. А. Аракчеева: Александр восстановил его в должности генерал-инспектора артиллерии, которую тот занимал при Павле. Дружба Александра с Аракчеевым началась еще на финише царствования Екатерины. Последний всячески опекал великого князя, стараясь постоянно быть ему полезным. Услуги деятельного, невероятно трудоспособного и безотказного исполнителя стали со временем ничем не заменимым подспорьем также не ленивому, но не столь энергичному императору.

Перетасовка кадров успокаивала только отчасти: на протяжении всего царствования **Александр жил** почти посто-

янно в атмосфере угрозы возможного заговора. Это началось практически сразу, когда он, вопреки надеждам противников Павла, попытался двинуться по стопам отца: мириться с сохранением порядков, устраивающих крепостников, не позволяли очевидные государственные интересы России.

Уже 6 мая 1801 года во вновь образованном Государственном Совете обсуждалось предложение нового царя запретить продажу крепостных без земли. Встретив жесткое сопротивление, самодержец отступил. Но 28 числа того же месяца последовало его личное распоряжение запретить печатать в газетах объявления о продаже крепостных.

12 декабря того же года по инициативе адмирала Н. С. Мордвинова (друга юности покойного Павла I) выходит указ о разрешении иметь личную земельную собственность всем сословиям, кроме крепостных, – уничтожается одна из главнейших монополий дворянства.

В том же году, отвечая на письмо одного из сановников, просившего получить населенное имение, Александр I написал: *«Русские крестьяне большей частью принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать этих несчастных, и принял за правило никому не давать в собственность крестьян»* — на этом прекратилась раздача населенных земель в частные руки раз и навсегда.

В ноябре следующего, 1802 года, к Александру обратился

граф С. П. Румянцев с предложением законодательно разрешить крепостным выкупаться из неволи. После ожесточенных дебатов Государственный Совет пришел к усеченной формулировке: 20 февраля 1803 года было провозглашено новое сословие – «вольные хлебопашцы» и определен порядок перевода в него крепостных – с обязательным наделением землей. Закон, однако, требовал согласия рабовладельцев на каждую подобную выкупную операцию. Широко задуманная акция, таким образом, практически полностью провалилась: помещики дружно игнорировали неявный призыв государя.

Затем последовало новое столкновение царя с дворянским сословием: Александр установил обязательный двенадцатилетний срок службы унтер-офицерам из дворян. Данная акция, вероятно, исходила из насущных интересов армии, но очевидно противоречила Манифесту Петра III о вольности дворянства. На этом основании Сенат 21 марта 1803 года выступил против этого закона.

Перед лицом почти всеобщей оппозиции император на этот раз настоял на своем. Любопытна аргументация Александра: Сенат может обсуждать законопроекты, но не принятые царские указы – этому подобию парламента, пусть даже назначаемого верховной властью, указывалось на его истинное место!

Интересно, что секретарь Государственного Совета Г. Р. Державин, в данном случае поддержавший царя (этот

известный поэт выступал ранее против «вольных хлебопашцев»), был вынужден выйти в отставку в результате развернувшейся против него общественной травли.

В 1804 году было отменено фактическое личное рабство в Прибалтийских провинциях; крестьяне там оставались прикрепленными к земле – это была система обычного для того времени крепостного права, практиковавшегося в большинстве европейских континентальных стран. Как раз в те годы эта система рушилась под натиском Наполеона: крепостное право в Пруссии было отменено в 1805 году.

11 ноября 1806 года Чарторыйский, Строганов и Новосильцев обратились к царю с запиской, указывая, что Курляндия и Лифляндия могут в любой момент отпасть от России: для этого достаточно *«одного слова вольности, произнесенного Бонапартом в сих провинциях»*.

К этому времени произошло возвращение России в антифранцузскую коалицию. Большой проблемой при этом остался внешний долг, аннулированный Павлом I. Александр восстановил прежние обязательства и сразу возобновил выплату процентов по займам, но о своевременном погашении самих долгов речи не было – платить России все равно было нечем.

В результате поиска компромисса Россия и ввязалась в военное столкновение с Наполеоном – на это Англия готова была выделить средства, хотя бы и ненадежному должнику. Однако, в результате неудачных войн с Наполеоном в 1805

и 1807 годах и без того не очень прочное положение Александра еще более пошатнулось.

Случайно или неслучайно, напряженность ситуации усугублялась и семейными проблемами молодого царя. Постоянным источником беспокойств был и оставался брат Константин.

В самом начале царствования Александра стала широко известна история, как Константин в Петербурге настойчиво преследовал домогательствами жену француза-ювелира. Будучи отвергнут, он приказал подчиненным гвардейцам похитить и изнасиловать ее – те были рады стараться и затерзали несчастную до смерти.

Затем завязался целый узел интриг, в котором Константин, Александр и жена последнего образовали некий странный треугольник.

Семейная жизнь царственной четы, как упоминалось, не складывалась. Тем не менее они были молоды, красивы, а, главное, по занимаемому положению вызывали понятный повышенный интерес у всех женщин и мужчин, пребывавших при дворе. Царю (всякому – не только Александру I) особенно легко было завоевать расположение почти любой из женщин.

Историк великий князь Николай Михайлович рассказывает: *«На одном из балов в 1804 г., как это видно из письма Елисаветы к матери, М. А. Нарышкина подошла к императрице и объявила ей о своей беременности. Непроститель-*

ная выходка зазнавшейся любовницы привела в негодование Елисавету, тем более что Нарышкина была на втором или третьем месяце беременности, и никто бы не заметил ее состояния. Между тем Елисавете нечего было догадываться, кто был виновником беременности».

Елизавета в долгу не осталась, и при дворе заговорили о ее романе с Адамом Чарторыйским. Как известно, права мужей и жен в те времена, да и много позднее, симметричностью не отличались, и Александр устроил жене сцену. Та оправдывалась, объясняя отношения с Чарторыйским сугубо платоническими. Муж удовлетворился, и инцидент был исчерпан. Он оказался только преддверием к последующему.

Фактически оставленная жена искала утешения – совсем не трудно понять эту молодую женщину, уже один раз рожавшую. В 1805 году ей исполнилось 26 лет.

В сентябре 1805 года царь покинул столицу – его ждал позор Аустерлицкой битвы 20 ноября (2 декабря) 1805 года. В столице в это время, естественно, оставалось крайне мало офицеров. Тем не менее полковой казначей Кавалергардского полка штаб-ротмистр Алексей Яковлевич Охотников должен был циркулировать между столицей и действующей армией, развозя офицерское жалование – он единственным из офицеров полка не получил в итоге ордена за эту кампанию. Но наградой ему оказалось иное: более чем достаточно свидетельств того, что между императрицей и красавцем-офицером завязался роман. Николай Михайлович пишет: «Со-

стоящая при ней княгиня Наталия Федоровна Голицына, по-видимому, немало способствовала сближению императрицы с молодым кавалергардским офицером».

По возвращении побежденной гвардии в столицу Александр еще более сближается с Нарышкиной – это уже фактически семейная чета, выращивающая маленькую дочь.

Между тем, 3 ноября 1806 года царица тоже родила дочь, считающуюся вторым ребенком Александра и Елизаветы. Но кто был фактическим отцом ребенка? Подобный вопрос возник еще при рождении их первой дочери: малютка поразила очевидцев черными волосами, совершенно не характерными для ее официальных предков. В 1806 же году сомнений практически не было, но Александр предпочел не выглядеть рогоносцем и официально признал новорожденную своей дочерью. Как оказалось, это обязало его не ко многому.

Осенью 1806 года, еще до рождения несчастного ребенка, семейная драма приобрела самые что ни на есть трагические черты: Охотников был тяжело ранен кинжалом в спину в ночь с 4 на 5 октября 1806 года при выходе из спектакля в Большом театре. Николай Михайлович пишет: *«Никакого следствия по поводу поранения Охотникова не было. Старались заглушить это дело и дать повод полагать, что это была дуэль. Более посвященные в тайну говорили, что инцидент этот произошел под влиянием цесаревича Константина Павловича.*

Предполагали, что Константин, будучи неравнодушным к супруге брата, приказал из чувства ревности покончить с Охотниковым. Это маловероятно. Более правдоподобно, что Константин или другие приближенные, не желая, чтобы Император был обманутым супругом, подкупили кого-либо, чтобы избавиться от влюбленного офицера». Чем вам не Мадрид или Венеция?

Строго рассуждая, участие Константина в этой истории и его мотивы мог бы прояснить только сам Константин, а он этого никогда не сделал.

Охотников, тем не менее, остался жив и был уволен по болезни в отставку с 14 ноября 1806 года. Далее, на наш взгляд, происходило самое интересное. Охотников не сразу умер и не выздоровел окончательно, что довольно странно для тех времен, лишенным антибиотиков и других эффективных средств залечивания ран: любой воспалительный процесс должен был развиваться достаточно быстро и немедленно свести больного в могилу – вспомним, например, типичные в медицинском отношении случаи – убийство М. А. Милорадовича 14 декабря 1825 или происшедшее почти через век убийство П. А. Столыпина в сентябре 1911! В то же время механическая рана – даже в грудную полость – должна была бы за пару месяцев зажить у молодого человека, если он все же оставался жив. Медицина, впрочем, знает разные чудеса любого рода.

Тут, похоже, вмешался не один медицинский фактор:

лечащим врачом Охотникова оказался придворный медик (что само по себе не совсем обычно для подобного клиента), известный под фамилией Штоффреген или Стоффреген (Stoffregen). В результате лечения Охотников и умер 30 января 1807 года. Штоффреген становится с этого эпизода периодическим участником нашего повествования, имеющим непосредственное отношение по меньшей мере еще к двум весьма странным смертельным случаям.

Известно, что императрица навещала больного Охотникова за месяц до его смерти. На его могиле в Александро-Невской Лавре как будто бы и теперь стоит надгробие ему, сооруженное через полгода по заказу некоей таинственной придворной дамы, получившей на то разрешение от брата покойного: памятник представляет собою скалу, возвышающуюся над надломленным от удара молнии дубом; под скалой на коленях женская фигура с погребальной урной в руках. Молва свидетельствует, что императрица, навещая могилы дочерей, приносила цветы и на эту.

Смерть Охотникова не завершает эту историю. Николай Михайлович сообщает: *«в сентябре 1807 г. умерла также и княгиня Н. Ф. Голицына, дочь императрицы скончалась летом 1808 года, а в 1810 году умерла и маленькая дочь Голицыной, на которую Елисавета перенесла все свои чувства и заботы»* — последнее тоже интересно – кто же был отцом и этого ребенка? Словом, смерть основательно потрудилась на данном участке. Вопрос в том, кто ей при этом помогал!

На этом фактически брак Александра и Елизаветы распался; оказалось, однако, что не навсегда.

Что же касается содружества Александра с Марией Антоновной Нарышкиной, то Николай Михайлович пишет так: *«Пока Александр увлекался прелестями Нарышкиной, радовался быть отцом, Мария Антоновна преспокойно и почти открыто жила с князем Г. Гагаринным, который и был настоящим отцом последовавших детей. Этот факт не был даже секретом для французского посла Коленкура, который доносил о том Наполеону»*. Впрочем, Николай Михайлович добавляет: *«Вне сомнения, что одна из дочерей М. А. Нарышкиной была от государя, именно София, которую он так оплакивал, когда она скончалась от чахотки в 1824 году»*. Заметим, что едва ли слезы императора являются гарантией его отцовства.

Тяжелые и печальные дела!

Вернемся, однако, и к политике.

Необходимость принять все условия победившего Наполеона вытекала не только из слабости русской армии, но в еще большей степени из того, что англичане сочли неразумным тратить деньги на столь неудачливых союзников – и прекратили субсидии. Общее же финансовое положение России никак не способствовало дальнейшему наращиванию военных усилий, тем более что и достаточно прочный мир не наступил – продолжались традиционные выяснения отношений с Швецией, с Турцией и Персией, а в 1809 году произо-

шло даже столкновение с Австрией – в союзе с Францией.

Одним из результатов побед Наполеона стала отмена крепостного права в Польше. Кроме того, России пришлось примкнуть к «континентальной блокаде»: прекратился вывоз и металла, и сельхозпродукции в Англию, игравшую уже не один век роль естественного и традиционного торгового партнера России. В результате англичанам пришлось развивать собственную металлургию, с чем они справились вполне успешно, а русские помещики и заводчики, наживавшиеся на экспорте, схватились за пустующие карманы.

Хотя экономическая блокада и способствовала в определенной степени развитию отечественной промышленности (именно тогда появились собственные суконные фабрики, а также сахарные заводы на Украине и юге России), но это никак не могло компенсировать понесенные потери.

В сентябре 1807 года шведский посол в России граф Б. Стединг сообщал своему королю: *«Недовольство императором усиливается, и разговоры, которые слышны повсюду, ужасны <...>. Слишком достоверно, что в частных и даже публичных собраниях часто говорят о перемене царствования <...>. Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена <...>. Военные настроены не лучше, чем другие подданные императора».*

Недовольство пока ограничивалось только разговорами, поскольку было очевидно, что бедственное экономическое положение зависит от внешнеполитического диктата, а эска-

лация противоборства с Наполеоном в то время не выглядела перспективной.

В этой достаточно критической ситуации Александр I совершает шаг, значение которого недостаточно оценили современники и почти вовсе не заметили потомки: 14 декабря 1807 года Александр усилил закон от 20 февраля 1803 года, запретив освобождать крепостных целыми селениями иначе, как по указу о вольных хлебопашцах.

Эта акция, казалось бы, не сильно задевала интересы помещиков, и без того игнорировавших возможность освобождения собственных рабов. Однако, с учетом того, что вслед за тем вплоть до самого 1861 года практически не было принято никаких иных серьезных законодательных мер в отношении крепостного права (чего, конечно, нельзя было предвидеть в 1807 году!), поправка от 14 декабря сыграла колоссальную роль. Ведь она практически полностью пресекла возможность помещиков сгонять крестьян с земли!

Тем самым **на многие десятилетия в России законодательно запрещалась возможность помещиков бороться с ростом аграрного перенаселения в собственных владениях**, сколько бы ни было у них излишних сельских подданных, буквально мешающих дышать друг другу. Большинство помещиков, не так уж и богатых землями, впредь могло либо освободить крестьян, наделяя имеющейся землей (сколько бы ее ни было) и не оставляя себе ничего или почти ничего (как это и случилось после 1861

года), либо должно было терпеть постоянно ухудшающиеся условия существования – что они в основном и делали.

Закон о «вольных хлебопашцах» не обладал универсальной силой – его можно было обойти: он не распространялся на дворовых слуг, которых можно было отпускать на волю и так, запросто. А юридическая грань между дворовыми и обычными крестьянами не была четко определена и узаконена. Однако злоупотребление таким правом приводило помещика к конфликтам и с властями, и с крестьянами, и не могло кардинально помочь ему избавиться от большинства излишних крепостных.

Не возбранялось помещику и отправлять крестьян на сторонние заработки, в том числе – сдавать в наем на фабрики, оставляя в деревне их семьи в качестве заложников.

Но все имевшиеся возможности радикально улучшить положение поместий оказывались недостаточными.

В итоге за все время действия закона (до 1858 года) только около 1,5 % всех крепостных сумели получить волю, воспользовавшись данной схемой.

Александр I, таким образом, не сумев побудить помещиков к освобождению крепостных и не имея возможности добиться своего силой, буквально закрутил выпускные клапаны в каждом имении, уподобив их котлам, давление в которых нагнеталось ростом числа жителей – практически до взрыва, который едва не произошел накануне 1861 года.

Понимал ли тогда тридцатилетний император будущие

последствия своего решения? Это – вопрос гадательный. Но, во всяком случае, этот акт проливает свет на истинную идеологию Александра I – и не только его одного; чуть ниже мы к этому вернемся.

После 1807 года вынужденная пауза во внутривосточной борьбе продолжилась: было ясно, что первоочередной остается борьба за внешнеполитическую независимость. На это наталкивал Александра весь конгломерат внутренних российских проблем.

Особое внимание уделялось усилению армии. Здесь важную и полезную роль сыграл А. А. Аракчеев, возглавлявший с января 1808 года в течение двух лет Военное министерство, а затем – Военный департамент Государственного Совета. Жестокий и трусливый карьерист (всю жизнь избегал малейшей возможности появиться на поле боя!) оказался, при всем при том, великолепным реформатором артиллерии. Это закрепило его авторитет как администратора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.